

Драки Сатору Годзё с Хибари всегда оборачивались оглушительным погромом, но когда дело доходило до перепалок с Ламбо, причиной раздора могла стать обыкновенная конфета.

Например, любимый виноградный леденец Ламбо.

Сатору удерживал брыкающегося мальчишку за голову одной рукой, а другой бесцеремонно шарил в его пышной шевелюре. Он выудил оттуда целую гору ручных гранат, но заветной Десятилетней базуки так и не нашёл. Тогда он в сердцах развернул чужую конфету и забросил её в рот.

— Странно, — пробормотал Годзё. — Обычно она сама вываливается, стоит ему только грохнуть.

Шанс вытащить прибор вручную оказался куда меньше, чем вероятность того, что малец выронит его сам, растянувшись на полу. Попытавшись ещё раз десять и упрямо отказываясь верить в неудачу, Годзё плюнул на это дело и вернулся к первоначальному плану: отобрать сладости, довести пацана до истерики, а когда тот в ярости вытащит базуку — перехватить её и призвать Ламбо из будущего.

Почему бы просто не попросить?

Ха, попроси он напрямую — и Ламбо тут же принялся бы ставить условия. С какой стати Сатору Годзё делать такую глупость?

Сатору размышлял об этом, лениво наблюдая за своей жертвой. На пятой виноградной конфете Ламбо наконец дошёл до кондиции. Заливаясь слезами и размазывая сопли, разъярённый карапуз вытащил из своей необъятной шевелюры Десятилетнюю базуку.

Годзё мгновенно перехватил её и, проигнорировав испуганный взгляд малыша, нажал на спуск.

Раздался хлопок, комнату заволокло розовым дымом, и перед Сатору предстал повзрослевший на десять лет Ламбо.

Прежде чем на шум прибежала Бьянки, Годзё скороговоркой выпалил заготовленную инструкцию. Убедившись, что сонный мозг взрослого Ламбо хоть и соображает туго, но заветный палец Сукуны сожжёт намертво, Сатору спрятался в сторонке. Теперь оставалось лишь наблюдать за привычным зрелищем — как Бьянки с криками гоняется за несчастным «Ромео».

— Хе-хе...

Спустя пять минут эффект базуки рассеялся. Палец Сукуны исчез вместе со взрослым Ламбо, а

на его месте снова сидел маленький глупый телёнок, испуганно дрожащий перед тарелкой с очередным ядовитым кулинарным искусством Бьянки.

Довольный результатом Сатору грациозно шагнул по воздуху и, ухватив перепуганного Ламбо за шиворот, весело зашагал прочь.

— Пошли, мелкий. Я знаю лучшую кондитерскую в округе.

Сначала обобрать и довести до истерики, а потом потащить обедаться пирожными — неудивительно, что Цунаёши Савада всякий раз смотрел на это со сложным, неопишуемым выражением лица. С другой стороны, стоило Ламбо заказать половину меню, как обида испарялась без следа. Этот метод работал куда лучше, чем робкие попытки утешения самого Цуны. Благодаря этой странной связи между двумя хулиганами крепла своего рода шрёдингеровская дружба.

"Странно, я будто что-то упустил?"

Сатору на секунду задумался, но стоило им подойти к дверям кондитерской, как сладкий аромат лимитированных кремовых дайфуку окончательно затуманил его разум. Все прочие мысли были безжалостно отброшены за ненадобностью.

Сугуру Гето, оставшийся далеко позади: «...»

Впрочем, сам Гето к этому моменту уже повсюду наблюдал за тем, как Сюдзи Цусима препирается с верхушкой Вонголы, и начисто позабыл о возвращении своего ненаглядного друга. Прекрасный пример идеального взаимопонимания.

— Хватит ходить вокруг да около, — хмыкнул Реборн. — Выкладывай, чего ты добиваешься.

Собеседник был ещё совсем зелёным малым, но Реборн без труда видел, что за душой у того скрывается хитрая интрига.

— А вы, господин Реборн, весьма прямолинейны.

Слегка ворча для приличия, Сюдзи наконец перешёл к сути дела.

— Вонгола ведь пытается выяснить, откуда берутся эсперы и маги?

Да и как иначе? Получив воспоминания из будущего и убедившись, что в том варианте грядущего нет ни намёка на подобные силы, Вонгола просто обязана была прояснить природу энергий, не имевших отношения к Пламени посмертной воли.

— Мир магов слишком закрыт для посторонних, — Сюдзи покрутил в руках банку с Кэндзяку, то и дело переворачивая её вверх дном. — Да и среди вашей Семьи лишь единицы способны видеть проклятых существ. Я же предлагаю вам отличный материал для исследований.

Кэндзяку вполне можно было классифицировать как разумное нечеловеческое существо. Всё зависело лишь от того, под каким углом Вонгола захочет рассмотреть этот экземпляр.

От такой лавины информации Хранители Вонголы притихли. Цунаёши Савада, повинаясь интуиции и подстёгиваемый красноречивым взглядом Реборна, решился продолжить расспросы.

— И... чего же ты хочешь взамен, А-Дзи? На каких условиях ты передашь его нам?

— Никаких условий, это подарок. Не бог весть какая ценность.

Сюдзи весело сощурился и подтолкнул Кэндзяку к Цуне. Наблюдая за тем, как обычно собранный Десятый босс растерянно пытается удержать банку, Цусима не выдержал и озорно рассмеялся.

— А ты, оказывается, дорожишь своей Семьёй, — хмыкнул Реборн, разгадав в этом жесте желание вернуть старый долг. Препятствовать он не стал.

— Естественно. Я ведь по натуре добряк, — Сюдзи расплылся в лучезарной улыбке.

Чуя Накахара и Сугуру Гето переглянулись, из последних сил сдерживая рвущиеся наружу едкие комментарии. Разрушать столь искусно выстроенную мизансцену им всё же не хотелось.

Разумеется, Сюдзи двигал холодный расчёт. Сперва он натравил на врага Сатору Годзё, который, подглядев трюк у взрослого себя, умудрился на долю секунды воспроизвести Необъятную бездну и начисто выжег Кэндзяку мозги. А теперь он со спокойной душой сплавил Вонголе бесполезный ошмёток плоти, пригодный разве что на роль батарейки для выкачивания проклятой энергии.

План был прост — погрузить мир магов в управляемый хаос.

Впрочем, чем сильнее разгорится пожар, тем лучше.

«Старые мандарины» из высших чинов, привыкшие править в своей стерильной башне из слоновой кости, окажутся бессильны перед угрозами нового порядка. Когда внешние силы примутся делить сферы влияния и рвать пирог на части, высшие чины мира магов в панике бросятся искать выход из тупика.

"И вот тогда мы протянем им руку помощи..."

Для Ранпо Эдогавы это станет абсолютным триумфом, а для самого Сюдзи — возможностью раз и навсегда избавиться от назойливых физиономий, вечно маячащих перед глазами.

"Но пока этого мало. Не хватает финального штриха".

Иностранная мафия в лице Вонголы, пытающаяся переманивать одарённых; маги и маги-проклинатели, стягивающиеся на зов легендарной «Книги»; правительственные ищейки, мечтающие прибрать к рукам мир магов...

Чтобы конфликт вспыхнул по-настоящему, не хватало лишь одного — мощного давления извне, катализатора, который заставит их сойтись в открытом противостоянии.

"Что ж, займусь этим чуть позже", — лениво подумал Сюдзи.

Именно Фёдор стал тем самым катализатором, которого так не хватало Сюдзи. Он прибыл в мир магов.

Его отъезд нельзя было назвать побегом из дома. Просто пожив бок о бок с Львом Толстым и его фанатичными соратниками, Фёдор рассудил, что ему жизненно необходимо увидеть мир, дабы уберечь собственный разум от чужих догм и ограниченности.

Выслушав его просьбу, Толстой ничуть не удивился.

— Я знаю, ты всегда был чутким и не по годам умным малым, — Толстой по-отцовски положил руку ему на голову. — Пока другие дети предавались беззаботным забавам, ты пристально вглядывался в мир и запоминал чужие страдания. Это и дар, и твоё проклятие. Хочешь идти — иди, смотри. Но помни: замечая тьму, не смей закрывать глаза на свет. Если станет слишком тяжело на душе, поделись со мной или с кем-нибудь из Литературного сообщества. Не позволяй своему разуму зайти в тупик.

Этот человек зрел в самый корень. Виной тому были то ли прожитые сорок лет, то ли колоссальный опыт полных потрясений жизни. Он относился к своему юному ученику, вступающему на путь самопознания, с суровой требовательностью, но в то же время с безграничным пониманием.

Пока Фёдор не переступал черту морали, никто из Литературного сообщества не отказал бы ему в помощи. Но стоило бы юноше сознательно ступить на тропу порока — и Толстой лично оборвал бы его путь.

Так, заручившись поддержкой наставника, Фёдор отправился в странствие по миру.

Сначала он посетил соседние государства, затем двинулся дальше. Достоевский не выбирал маршруты: ледяной холод сменялся мягким теплом, тепло — иссушающим зноем.

Повзрослев, он понял один незыблемый закон: добро и зло переплетались в вечном танце. Они покоились на чашах одних весов, и стоило одной чаше устремиться вниз, как невидимая сила возвращала равновесие.

Чего же хотел он сам?

Когда умерла его мать, Фёдор свято верил, что сможет склонить чашу к абсолютному добру. Позже пришло осознание: это не под силу ни одному смертному. Пока живо человечество, свет и тьма пребудут нераздельны.

Его давняя идея уничтожить всех эсперов была лишь полумерой. Фёдор понимал, что у него впереди целая жизнь, чтобы найти истинный ответ — по крайней мере, до тех пор, пока смерть не заберёт его самого.

В Японию Фёдор попал случайно. Будучи в Германии, он услышал о громком расколе внутри итальянской мафии. Ведомый любопытством к новой силе, он решил навести справки о Десятом боссе Вонголы, укrywшемся в Намимори, и неожиданно обнаружил там след своего первого наставника, бесследно исчезвшего несколько лет назад.

"..."

Фёдор внимательно изучил отчёты. Вся эта ситуация так и дышала чистейшим фарсом.

Аль-Хайтам меньше всего походил на человека, способного ужиться с местным укладом, но почему-то выбрал именно это тихое захолустье. Да и будущий преемник величайшего мафиозного синдиката упорно не желал покидать крошечный городок. Причины этого оставались загадкой, которую безумно хотелось разгадать.

Фёдор с лёгким сердцем наметил следующую цель своего путешествия — Японию.

Завершив дела в Германии, Достоевский примкнул к местной банде эсперов. Вместе с ними он выполнял поручения, пересёк границу, а оказавшись на месте, тут же слил всю информацию о подельниках одному толковому детективу, который к тому же поддерживал связь с его бывшим учителем.

Вступить в Организацию «V» и тут же сдать её с потрохами было для него проще простого. Каким бы грозным ни казался этот международный синдикат, для Фёдора он оставался лишь временным инструментом. Польза пользой, но криминальную шваль следовало истреблять — в

этих вопросах его логика всегда оставалась кристально чистой.

Ступив на японскую землю, Фёдор поправил свою неизменную белую ушанку, казавшуюся единым целым с его тёмными волосами, и неспешно направился туда, где пахло грядущим пожаром.

Оставалось лишь выяснить, какое представление разыграют для него на этой сцене.

<http://bllate.org/book/18256/1755736>